

ТИПОЛОГИЯ ОБЪЕМНО-ПРОСТРАНСТВЕННЫХ СТРУКТУР ПРАВОСЛАВНЫХ МОНАСТЫРЕЙ КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПРОЦЕССЕ ИХ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Алтунин Григорий Валериевич

магистрант.
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет»
Россия, Санкт-Петербург, e-mail: grin4eg89@mail.ru

Жукова Татьяна Федоровна

кандидат архитектуры, доцент.
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет»
Россия, Санкт-Петербург, e-mail: mtfg@mail.ru

УДК: 726.7
ББК: 85.113

DOI: 10.47055/1990-4126-2020-2(70)-7

Аннотация

Монастыри Калужской губернии представляют собой разноплановые архитектурные ансамбли со сложной внутренней динамикой, не позволяющей привести многообразие форм к единым критериям оценки. Процесс сложения монастырского комплекса порой занимал несколько столетий, в связи с чем архитектурные и композиционные решения того или иного монастыря зачастую не выдержаны в едином стилистическом направлении. Рассматривая развитые монастырские комплексы в качестве сложившихся архитектурных структур, можно отметить немало общих типологических признаков в их застройке, планировке и композиции. Это обусловлено как функциональным назначением, так и символической интерпретацией монастырского ансамбля.

Ключевые слова:

монастырский комплекс, центральное ядро, собор, трапезная, колокольня

Введение

История монастырского строительства на калужской земле восходит к началу XV в. – периоду падения монголо-татарского ига и объединения русских земель вокруг Москвы и ознаменовано расцветом православного искусства и переосмыслением культурных традиций, связывавших Киевскую Русь с Московским царством. В процессе возникновения и развития монастырей на калужской земле, продолжавшегося вплоть до начала XX в., было образовано порядка 43 обителей различного типа, уровня и статуса. В течение пяти столетий своего исторического развития калужские монастыри меняли свою планировочную структуру, усложнялось их функциональное зонирование и композиционное решение. Не менее важные изменения происходили и в самом характере архитектуры, т. е. в стилистических особенностях построек различных периодов, которые в целом проходили в русле развития русской архитектуры [1, с. 125]. Таким образом, калужские монастыри постепенно превращались в целостные архитектурные ансамбли, замечательные целостностью своей планировочной структуры, законченностью панорамного восприятия и общей асимметричностью композиции.

В архитектурном отношении они имеют очень сложную соподчиненную структуру и отличаются единообразием архитектурно-планировочных приемов. Несмотря на то, что застройка могла варьироваться в зависимости от типа и материального достатка, наблюдаются общие закономерности развития планировочной структуры. С точки зрения архитектурно-композиционной целостности, монастырский комплекс представлял собой сложную структуру, компоненты которой соподчинены не только функционально и композиционно, но и идейно-символически. Этим объясняются некоторые композиционные особенности пространственной организации монастырей, отличавшиеся определенным единообразием и общностью основных принципов [2, с. 201]. Для монастырских комплексов Калужской губернии характерны следующие основные композиционные принципы: зависимость от природного окружения, замкнутый периметр наружных стен, четкая иерархия высот монастырских построек, концентричность с выделением собора в центре.

Главенство собора подчеркивалось не только центральным местоположением, но и преобладающими объемами и высотой по сравнению с другими постройками, формой завершения. Как правило, собор был пятиглавым, в то время как остальные храмы монастырского ансамбля – одноглавыми [2, с. 201]. Непосредственно к собору примыкала площадь, вокруг которой группировались основные постройки. [3, с. 96]. Таким образом, собор является главным зданием, в связи с которым и в зависимости от которого формировался архитектурный облик всего монастырского ансамбля [4, с. 290]. Собор, как правило, ставился под углом к оси монастырской площади, а также со сдвигом от нее влево или вправо. Благодаря подобному расположению наблюдатель воспринимает его немного сбоку и в более сильном перспективном сокращении, что усиливает архитектурное значение и психологическое воздействие сооружения на зрителя. Мастера, занимавшиеся возведением монастырских ансамблей Калужской губернии, придерживались традиционных древнерусских градостроительных приемов и избегали фронтальных точек зрения. Таким образом, постройки монастыря рассчитаны на восприятие с угловой точки.

Другим немаловажным компонентом монастырского ансамбля была трапезная. Ее назначение не являлось сугубо утилитарным, в результате чего она тяготела больше к культовым постройкам, нежели к хозяйственно-бытовым. С идейной точки зрения трапезная – место совместного вкушения пищи, своего рода аллегория Тайной вечери, отразившаяся в построении при ней отдельной церкви. Однако здесь стоит отметить, что понятия «трапезная церковь» не существует. Следует разделять церковь и пристроенную к ней трапезную. Она могла размещаться к югу, западу или северу от собора, но никак ни с восточной стороны. Говоря о трапезной, следует учесть, что речь идет именно об общежительном монастыре.

Монастырская ограда была значимым элементом не только с точки зрения защиты и обороны, но и важной пространственной составляющей, придающей композиции упорядоченную структуру [5, с. 5]. Расцвет строительства каменных стен вокруг монастыря приходится на вторую половину XVII в. [3, с. 98]. В числе основных принципов формирования монастырских комплексов отметим стремление к геометрической правильности в очертаниях периметра стен монастыря [3, с. 207]. К концу XVII в. регулярность конфигурации плана монастыря стала традиционным композиционным приемом: структура планировочной организации стремится к большей геометричности очертаний, а расстановка башен приобретает определенную регулярность [6, с. 12]. В то же время подобная планировка была продиктована не отвлеченными геометрическими фигурами или произвольными соотношениями отдельных частей, а исходила из архитектурных пропорциональных положений, распространенных среди каменных дел мастеров [5, с. 79]. Анализируя планировочную организацию монастырей Калужской губернии, мы встречаем комплексы, имеющие периметр стен как в виде широко распространенного среди русских монастырей правильного прямоугольника (Козельская Оптина пустынь (рис. 9

г), Калужская Тихонова пустынь (рис. 7 г), Мещовский Георгиевский (рис. 5 г) и Лихвинский Покровский Добрый монастыри (рис. 4 г), так и не совсем типичный более или менее правильный ромб (Пафнутьев-Боровский монастырь, рис. 6 г) [5, с. 78].

Основные составляющие элементы ограды – ворота и башни. Во внешнем художественном облике крепостные башни являлись важнейшими структурными элементами. Фиксируя конечные точки архитектурной композиции, они поддерживают и завершают ритмику вертикальных акцентов монастырского ансамбля. Архитектурная композиция монастыря приобретает черты гармоничной завершенности: горизонтали прясел стен и вертикали башен, уравнивая друг друга, складываются в самостоятельные картины с каждой отдельной точки зрения [6, с. 13]. Парадный въезд – Святые ворота, ориентированные на собор (что еще больше подчеркивало его главенствующее значение), как правило украшались надвратной церковью. Башни, помимо своего фортификационного назначения, служили в качестве кладовых, мастерских и даже жилых помещений.

Обязательным элементом монастырской застройки была колокольня, устраиваемая главным образом к западу от собора, и вертикальным акцентом выделявшая его среди остальной застройки. Даже если колокольня становилась композиционным стержнем монастыря, она все равно оставалась элементом, композиционно указывающим на доминирующую роль собора.

С течением времени из небольшой обители монастыри перерастают в крупные хозяйственные предприятия с развитой системой жилых, хозяйственных и бытовых построек, приобретающих все большее значение. По мере разрастания появлялось все больше служебных и подсобных построек: поварни, амбары, погреба и т. д. [7, с. 310]. Возрастает роль трапезной с целой группой подсобных помещений. К собору пристраиваются приделы, увеличивая и усложняя его первоначальную форму. Таким образом, архитектурно-планировочное ядро монастыря составляет уже не только собор, а вся группа культовых, жилых обслуживающих построек, образуя сложный комбинированный объем [8, с. 135].

В соответствии с композиционными признаками центрального ядра калужских монастырей, состоящего из собора, колокольни и теплой церкви, можно выделить 3 основных типа группировки строений: треугольный, веерный и осевой (рис. 1). Для треугольного типа характерно размещение основных построек центрального ядра по вершинам треугольника. При подобном композиционном приеме при начале восприятия от центральных ворот обеспечивается последовательное восприятие объектов с серией сменяющихся видов и перспектив. Веерный тип свойствен развитому центральному ядру, состоящему из более чем трех объектов, расположенных по плавной или ломаной дуге, раскрытой в сторону восприятия (примером подобной композиции может служить ансамбль Пафнутьева Боровского монастыря, рис. 6). При осевом типе объекты центрального ядра группируются вдоль продольной оси [9].

Разрастающиеся здания трапезной, монашеских келий и других построек, группируясь поодаль от собора, очерчивают границы Соборной площади. В результате ее пространство получает ведущее значение в планировке центральной группы монастыря. Подобный вариант планировочной структуры внутреннего пространства характерен для Боровского Пафнутьева монастыря [8, с. 137].

Соборная площадь в монастырском комплексе, окруженная различными постройками, играла значительную роль в формировании композиционного центра монастыря. В отличие от западноевропейского собора типа базилики, вытянутого по оси запад – восток, русский собор, напротив, имеет центрическую кубическую форму, сформировавшуюся в процессе влияния особого богослужебного церемониала. Дело в том, что западный вход использовали епископ или митрополит с народом, а южный – князья со своими приближенными. Таким образом,

Рис. 1. Типы композиции центрального ядра монастырского ансамбля [9]

русский храм обладал двумя взаимно перпендикулярными входами, игравшими одинаково важную роль. Площадь формировалась с южной стороны собора по причине того, что через южный портал происходил торжественный выход князя к народу [4, с. 289–290].

Представленный обзор расположения зданий на территории монастыря позволяет проследить, в чем именно исторически выразились типичные черты его устройства. Стоит отметить, что несмотря на многообразие монастырских построек, столь разных по своему функциональному назначению, располагались они не хаотично, а в соответствии с определенной закономерностью. Все монастырские постройки образовывали четкую иерархическую систему, группируясь по функциональному принципу и соподчиняясь друг другу (рис. 2). Так, собор доминировал над трапезной, а та – над близстоящими поварней и пекарней, которые, в свою очередь, являлись центром для ледников, сушил и амбаров. Колокольни ставились к западу от собора. Начиная со второй половины XVII в. колокольни стали играть роль высотной доминанты [3, с. 96]. Наличие внутри одного комплекса построек, резко отличающихся по высоте или характеру завершения, обусловило такой прием в композиционных особенностях компонентов монастырских ансамблей, как принцип контраста.

Рис. 2. Взаимосвязь построек на территории монастырского комплекса. Сост. Г.В. Алтунин

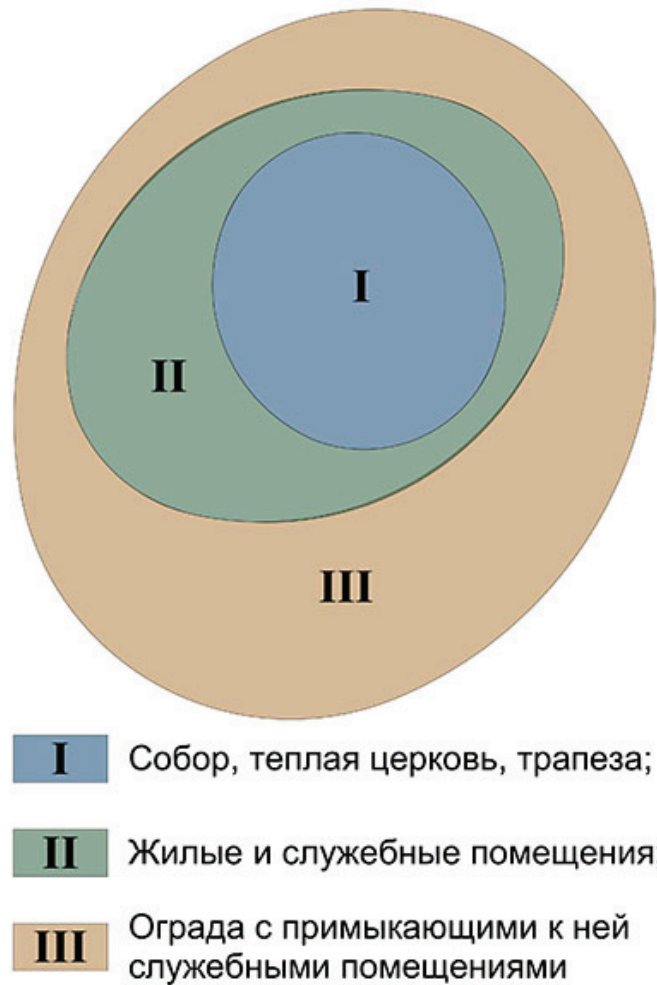

Рис. 3. Схема концентрических поясов по [10]

Монастыри объемами входящих в их состав храмов, келейных корпусов и служб, огражденные стеной, выделялись среди городской застройки и обширных загородных территорий. Такие компоненты объемно-пространственных композиций, как силуэтность, высотность, сочетаемость объемов, тесно связаны между собой и неотделимы от планировочных структур. При формировании архитектурного ансамбля монастыря особое внимание уделялось его силуэтности. В ансамблевых построениях монастырских комплексов Калужской губернии можно проследить три основных признака силуэтных композиций: преобладание горизонтальных направлений и связанных с ними форм; господство высотных композиций и контраст между ними и фоновой застройкой; сочетание вертикальных и горизонтальных форм (рис. 4–9 в). Горизонтальные композиции характерны для условий сложного рельефа как противопоставление ему.

Примером может служить Малоярославецкий Черноостровский монастырь (рис. 8 в), расположенный на высоком холме и окруженный глубокими оврагами. Общая активная силуэтность присуща монастырским комплексам, расположенным на плоских территориях. Данный признак силуэтной композиции нашел яркое отражение в ансамбле Тихоновой пустыни, расположенной на равнинной местности при малой речке Вепрейке (рис. 7 в). Подобное усиленное внимание к поиску выразительного силуэта основывается на свойстве человеческого глаза остро реагировать на контур объекта, способствующее его запоминаемости. При восприятии силуэта особое значение имеют точки перелома со сменой направления линии контура. Важную роль играли покрытия храмов и колоколен, хорошо читаемые на фоне неба, а также их сочетание. Для монастырей Калужской губернии характерен живописный силуэт каменных стен

и башен, окружающих монастырские постройки, сконцентрированные вокруг собора. При этом отмечаются основные композиционные принципы монастырских комплексов Калужской губернии: гармоничное единство построек различного функционального назначения, «вписанных» в ландшафт; сочетание величественных зданий на фоне русской природы.

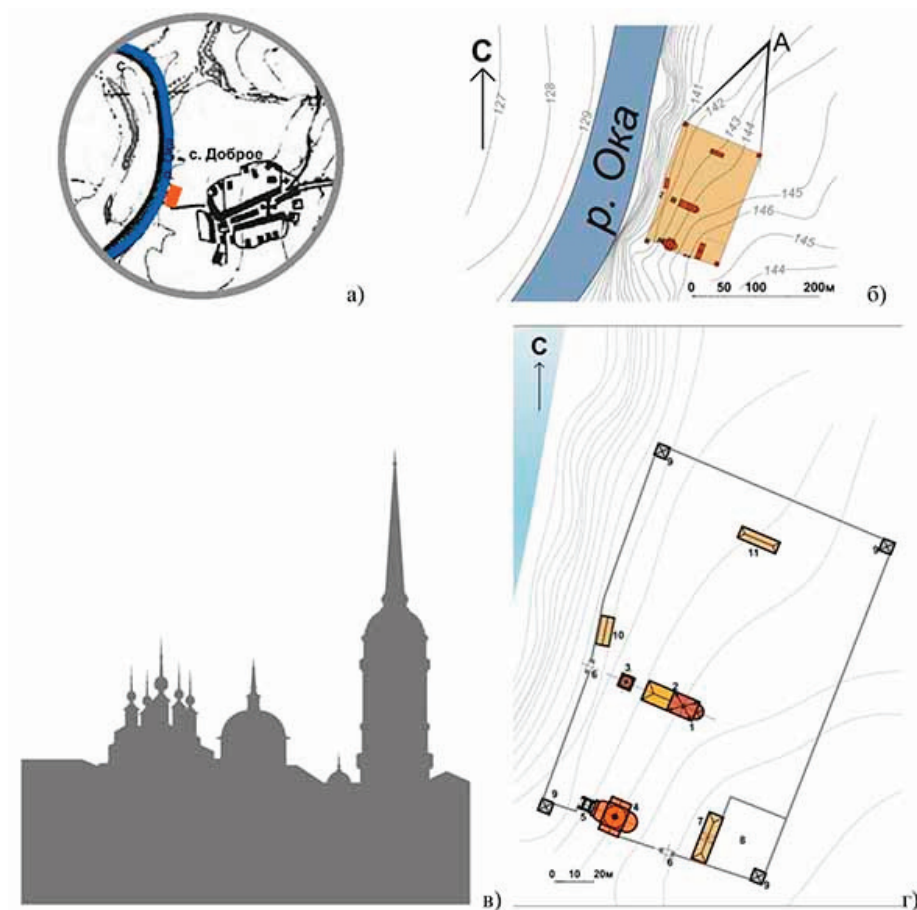

Рис. 4. Село Доброе. Ансамбль Лихвинского Покровского Доброго монастыря. Сост. Г.В. Алтунин:

а – ситуационная схема; б – местоположение по отношению к реке; в – силуэт, вид А; г – схема расположения построек: 1 – собор в честь Покрова Пресвятой Богородицы; 2 – трапезная с приделом в честь Св. Апостола Андрея Первозванного; 3 – колокольня; 4 – храм в честь Вознесения Господня; 5 – Святые ворота; 6 – въезжие ворота; 7 – настоятельский корпус; 8 – конный двор; 9 – наугольные башни; 10 – подвал и ледник; 11 – корпус братских келий

Пропорции, соотношения частей и целого, общий силуэт и высота постройки выбирались в зависимости от соседних строений. Так достигалась гармоничная соподчиненность всего построения, его ансамблевое единство, в котором архитектура, функциональность и эргономичность были тесно взаимосвязаны. При этом использовались такие принципы архитектурной композиции, как уравновешенность основных масс, соподчиненность частей и целого, пропорциональность расстояния между постройками разной высоты, подобие и контраст.

В процессе длительного многовекового развития монастыри Калужской губернии приобрели сложную планировочную структуру, выраженную в исторической многослойности. Некоторые из калужских монастырей существуют более пяти сотен лет, в течение которых они изменялись как композиционно, так и стилистически. Из первоначальной группы монашеских келий и небольшого деревянного храма выростали обширные комплексы сооружений самого различного назначения. При этом сами культовые и бытовые сооружения и их фрагменты, взаиморасположение строений на территории монастыря неоднократно изменялись в целом или в деталях, меняли размеры и формы составляющих их элементов, что, в свою очередь, породило историческую и художественную аутентичность композиционных взаимоотношений

объемно-планировочных образов, присущую русским монастырям. В процессе формирования архитектурного ансамбля каждая новая эпоха не уничтожала облик монастыря и не заменяла собой полностью предыдущую, а органично в нее вписывалась, образуя сложную гармоничную многослойную структуру, состоящую из множества отдельных зданий традиционной планировки и формы, каждое из которых, в свою очередь, является самостоятельной планировочной и композиционной единицей.

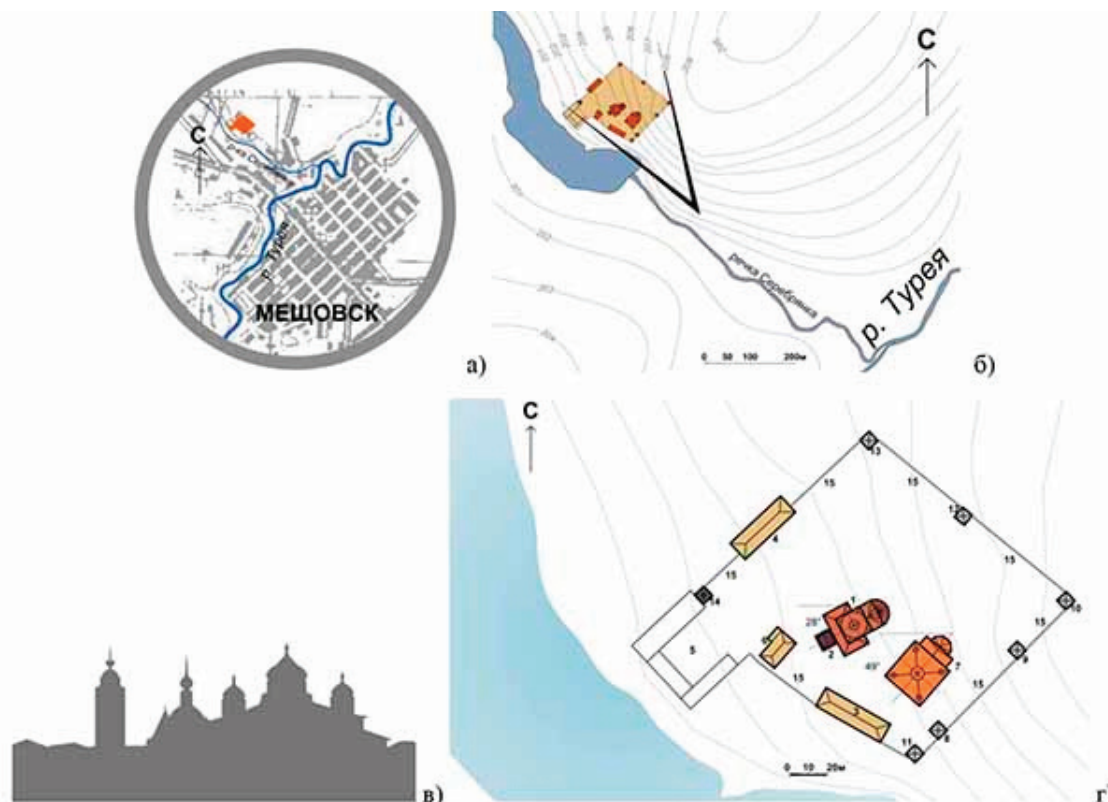

Рис. 5. Мещовск. Ансамбль Георгиевского Мещовского монастыря. Сост. Г.В. Алтунин :

а – ситуационная схема; б – местоположение по отношению к реке; в – силуэт, вид А; г – схема расположения построек: 1 – собор в честь Великомученика Георгия, окончен в 1691 г., двухэтажный: на 1-м этаже теплый Георгиевский храм, на 2-м этаже холодная церковь во имя Рождества Пресвятой Богородицы; приделы в честь Св. Дмитрия Ростовского Чудотворца (правый) 1760 г. и Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня (левый) 1856 г.; 2 – колокольня, выстроенная в 1820 г. вместо прежней, разрушенной в 1768 г. и окончательно разобранной в 1809 г.; 3 – настоятельский корпус с трапезой; 4 – духовное училище, 1816 г.; 5 – скотный двор; 6 – каменный сарай, погреба, ледник; 7 – собор в честь Петра и Павла, 1880 г.; 8 – Святые ворота с надвратной башней; 9 – башня с расположенной в ней баней; 10 – башня с расположенными в ней казначейской кельей и хлебной; 11 – наугольная башня, XIX в.; 12 – каменная башня восточной стены; 13 – наугольная башня, 2-я четв. XVIII в.; 14 – наугольная каменная башня с шатровым верхом с расположенной в ней квасоварней, XIX в.; 15 – каменная ограда 2-я пол. XVIII – нач. XIX в.

Несмотря на каноничность и неизбежность планировочно-пространственных решений культовых сооружений и комплексов, монастыри Калужской губернии имеют удивительное разнообразие форм планов и объемно-пространственных композиций. Во многом это связано с тем, что строгость в соблюдении канонов касалась лишь состава зданий, площадей и проездов на монастырской территории и самых общих принципов их взаиморасположения, а также ориентации культовых сооружений, в остальном же отсутствовали жесткие правила в композиционном взаиморасположении построек на территории монастыря. Поэтому нет единой композиционной схемы, которой соответствовали бы все без исключения монастыри Калужской губернии. В одном случае главным элементом композиции может являться собор (собор Николая Чудотворца в Малоярославецком Черноостровском монастыре, рис. 8 г), Покровский собор в Лихвинском Покровском монастыре (рис. 4 г), Георгиевский собор Мещовского Георгиевского монастыря (рис. 5 г), в другом – соборная площадь (соборная площадь Пафнутия Боровского монастыря, вокруг которой сконцентрированы храмы и келейные корпуса,

рис. 6 г). Также имеются примеры с размещением соборного храма вне центра монастырской территории (Успенский собор Тихоновой пустыни встроен в ограду и таким образом расположен на периферии монастырской территории, рис. 7 г).

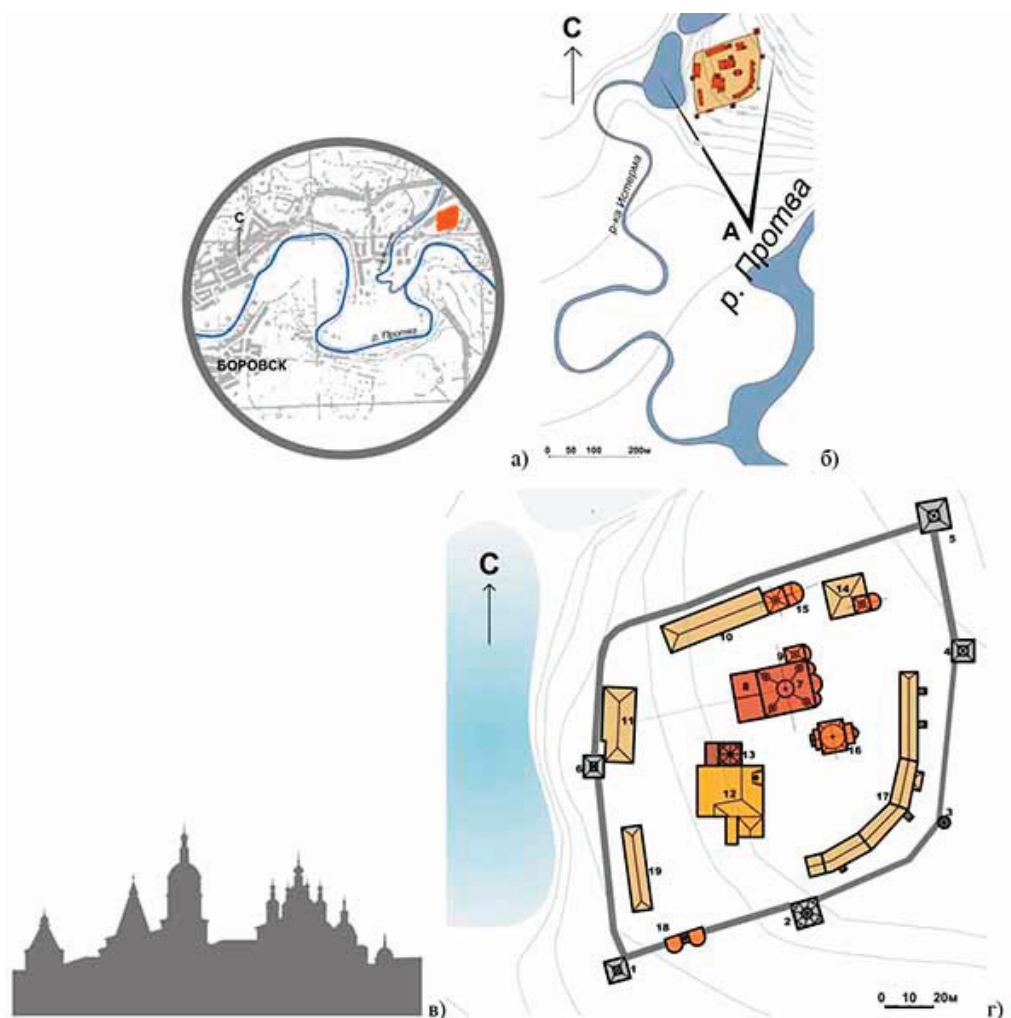

Рис. 6. Боровск. Ансамбль Боровского Пафнутьева монастыря. Сост. Г.В. Алтунин:

а – ситуационная схема; б – местоположение по отношению к реке; в – силуэт, вид А; г – схема расположения построек: 1 – Поваренная (Входная) башня; 2 – Георгиевская (Знаменская) башня; 3 – Круглая башня; 4 – Оружейная башня; 5 – Сторожевая башня; 6 – Тайницкая башня; 7 – Собор Рождества Пресвятой Богородицы 1584–1589 гг.; 8 – Трапезная 1837 г.; 9 – Церковь Св. Вм. Ирины 1651 г.; 10 – Настоятельский корпус; 11 – Погребной корпус; 12 – Рождества Христова не ранее 1511 г.; 13 – Колокольня не ранее 1690 г.; 14 – Больничные палаты с церковью Ильи Пророка не ранее 1670 г.; 15 – Церковь Митрофана Цареградского 1759–1760 гг.; 16 – Церковь Всех Святых 1837 г.; 17 – юго-восточный братский корпус; 18 – Проломные (Водяные) ворота; 19 – западный братский корпус

Общим для всех калужских монастырей является относительно постоянный набор структурных элементов и их взаиморасположение в пределах монастырских стен: соборный храм, соборная площадь, храмы местного посвящения, колокольня, трапезная с трапезным храмом, надвратный храм с проездными воротами и входом на территорию монастыря, некрополь, а также административно-хозяйственные сооружения (дом архимандрита или игумена со вспомогательными помещениями и храмом), жилые и служебные сооружения (келейные корпуса, больница, иконописные мастерские, библиотека, различные мастерские, мельницы и пр.), монастырская стена с башнями, в которых часто располагались различные служебные помещения и склады.

В архитектурно-планировочной композиции рассмотренных монастырей Калужской губернии были заложены элементы, делающие возможным дальнейшее их рост и развитие. Это

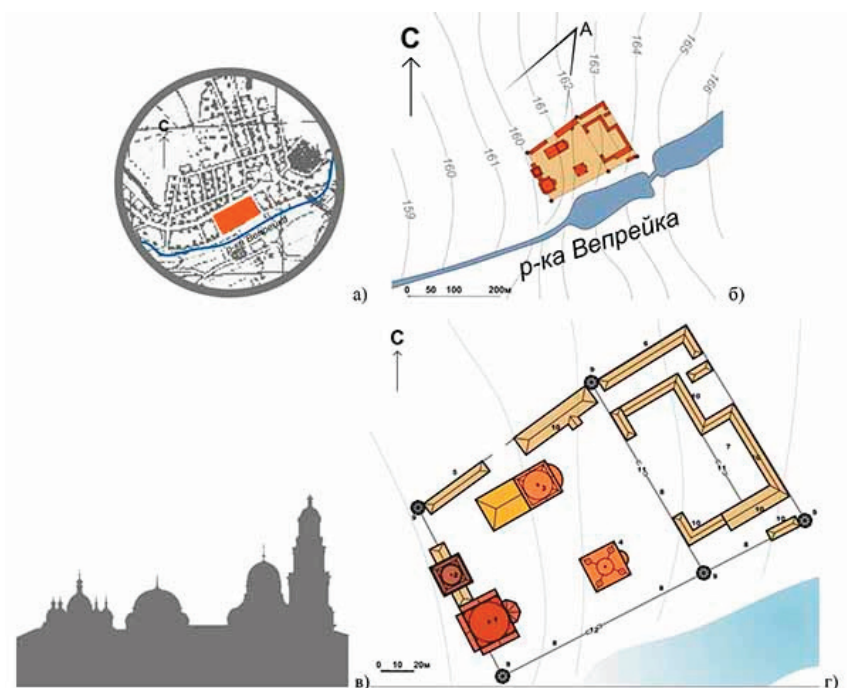

Рис. 7. Ансамбль Калужской Тихоновой пустыни. Сост. Г.В. Алтунин:

а – ситуационная схема; б – местоположение по отношению к реке; в – силуэт, вид А; г – схема расположения построек: 1 – Собор Успения Пресвятой Богородицы 1894–1904 гг.; 2 – колокольня 1894 г.; 3 – трапезная с церковью Николая Чудотворца, нач. XX в.; 4 – собор Спаса Преображения, 1876–1886 гг.; 5 – просфорня; 6 – келарня; 7 – конный двор; 8 – каменная ограда; 9 – башни ограды; 10 – хозяйственные и жилые постройки монастыря; 11 – хозяйственные ворота; 12 – въезжие ворота

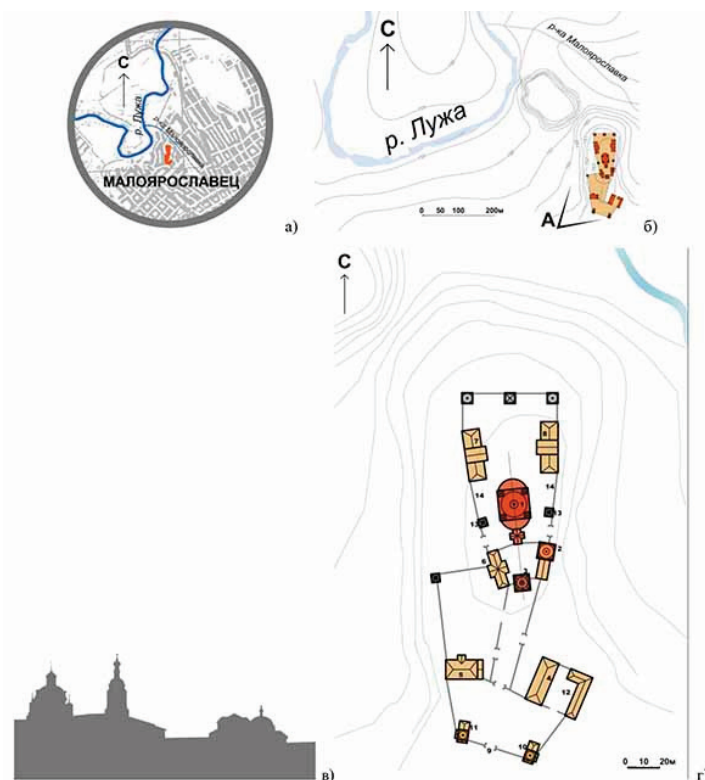

Рис. 8. Малоярославец. Ансамбль Малоярославецкого Николаевского Черноостровского монастыря. Сост. Г.В. Алтунин :

а – ситуационная схема; б – местоположение по отношению к реке; в – силуэт, вид А; г – схема расположения построек: 1 – Собор во имя Святителя Николая Чудотворца 1825–1843 гг.; 2 – теплая церковь: 1-й придел в честь Корсунской иконы Божьей Матери, 2-й придел в честь Антония и Феодосия Печерских 1814 г.; 3 – колокольня 1821 г.; 4 – странноприимный дом; 5 – гостиница для паломников, 1-я пол. XIX в.; 6 – настоятельский корпус, изначально больничные кельи 1815 г.; 7 – настоятельский корпус 1813 г.; 8 – трапезная, изначально братский корпус 1816 г.; 9 – Святые ворота; 10 – юго-восточная башня с духовным правлением; 11 – юго-западная башня, часовня; 12 – конный двор 1817 г.; 13 – каменные башни 1814–1815 гг.; 14 – каменные стены 1814–1815 гг.

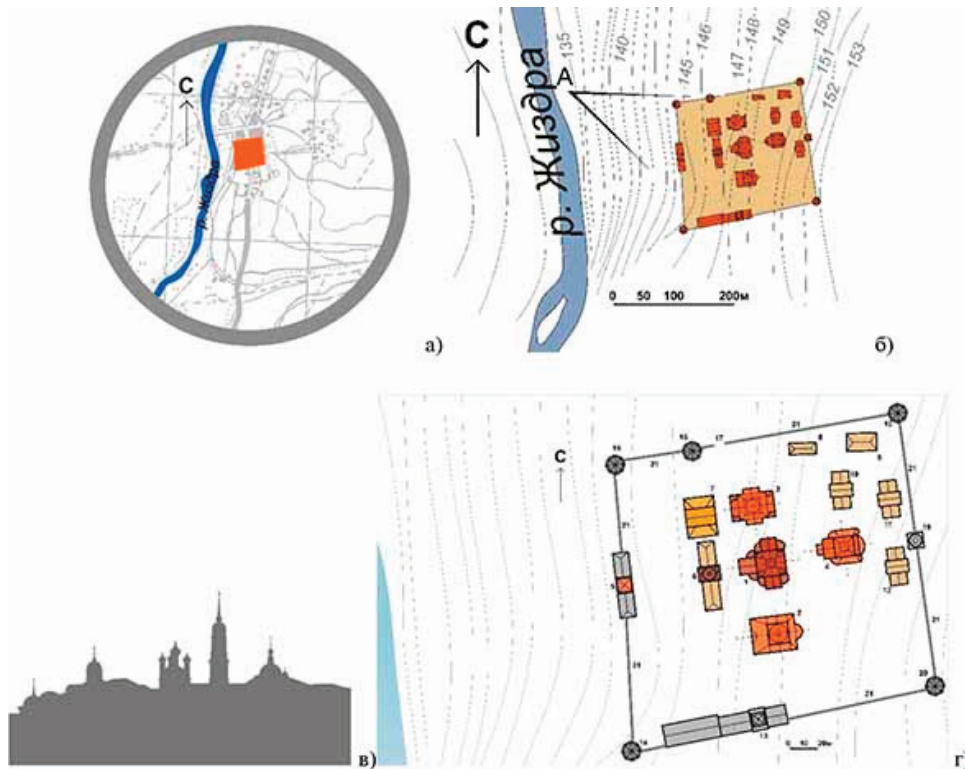

Рис. 9. Введенская Макарьевская Оптиная пустынь. Сост. Г.В. Алтунин :

а – ситуационная схема; б – местоположение по отношению к реке; в – силуэт, вид А; г – схема расположения построек: 1 – Собор Введения во Храм Пресвятой Богородицы 1750–1771 гг.; 2 – церковь Казанской иконы Божьей Матери 1805–1811 гг.; 3 – церковь Преподобной Марии Египетской и Анны Праведной (бывшая трапезная) 1822–1858 гг.; 4 – церковь Владимирской иконы Божьей Матери 1909–1811 гг.; 5 – надвратная церковь Владимирской иконы Божьей Матери; 6 – колокольня, 1802–1804; 7 – трапезная XIX в.; 8 – хлебопекарня 1842 г.; 9 – библиотека XIX в.; 10 – настоятельский корпус 1822–1858 гг.; 11 – келейный корпус; 12 – келейный корпус; 13 – Святые ворота 1830-х гг.; 14 – Пафнутьевская башня 1830-х гг.; 15 – Паромные ворота; 16 – Никольская башня; 17 – Северные ворота; 18 – Библиотечная башня; 19 – Скитская башня; 20 – Лазаретная башня

прежде всего сохранение живой органической связи с исконно русскими особенностями построения и планировки, выражающимися не в регулярности и симметрии, а в архитектурно уравновешенной композиции целого. Таким образом, привнесение законов природной гармонии в рукотворный архитектурный ансамбль составляет основу принципа подобия, на котором построены композиции многих ансамблей древнерусского зодчества. Данная особенность позволяла в дальнейшем достраивать и встраивать новые здания, не нарушая архитектурно-композиционных особенностей того или иного монастырского комплекса.

В каждом из рассмотренных монастырских комплексов прослеживается явное непараллельное расположение построек, даже культового назначения, несмотря на то, что в соответствии с церковным канонам алтарная апсида должна быть ориентирована строго на восток, следовательно, все храмы должны иметь одинаковую ориентацию вдоль оси «восток – запад» и располагаться параллельно друг другу. Но при анализе планировочной структуры рассмотренных монастырских ансамблей можно заметить, что даже в пределах одного комплекса храмы располагаются с различным отклонением от этой оси, создавая таким образом некоторую непараллельность и даже, на первый взгляд, хаотичность застройки. Стоит заметить, что данное обстоятельство обусловлено, во-первых, тем, что алтарь ориентировался на восход на период закладки того или иного храма. Таким образом, алтари храмов, заложенных в различные периоды года, имеют отклонения в ориентации на восток. Образовавшаяся при этом неупорядоченность создала множество непредсказуемых ракурсов, позволяющих воспринимать монастырский ансамбль со всех сторон. Описанное качество создало множество силуэтных сочетаний при восприятии комплекса с разных направлений, постоянно меняющихся по мере движения.

Заключение

На основе проанализированного материала можно выявить основные черты формирования монастырских ансамблей: главенство собора над прочими постройками, периметральность и концентричность расположения построек в зависимости от их функционального назначения, стремление к геометрической правильности очертаний монастыря.

Стоит отметить, что перечисленные особенности присущи исключительно монастырским комплексам и не характерны, например, для русских кремлей и крепостей. Тенденция к регулярности в монастырском строительстве возникает значительно раньше, чем в крепостном или городском [2, с. 207]. Тем не менее в планировочной системе монастырей и кремлей есть и общие черты. Выполняя роль крепости, и те, и другие совмещали на достаточно ограниченной, огороженной стеной территории постройки культового, оборонительного, жилого, хозяйственного назначений. Однако компактность монастыря и концентрация построек вокруг собора придавали ему определенные особенности в планировочной структуре.

Строения на территории монастыря размещались концентрическими поясами (рис. 3). Центральное место занимал соборный храм с приделами, вблизи него – трапезная и звонница, далее размещались жилые и хозяйственные постройки, замыкающим звеном выступала каменная или деревянная ограда [8, с. 132]. Несмотря на различие объемно-архитектурных решений основных монастырских зданий (собора, трапезной, колокольни, келий), все они взаимно дополняли и уравнивали друг друга.

На протяжении XVI в. сформировалась структура монастырского комплекса с архитектурно-композиционными приемами, повторяющимися с незначительными изменениями в последующем монастырском строительстве. Архитектурный ансамбль православного монастыря – замкнутый, компактный и композиционно заверченный – выражал идею религиозного, культурного, военного и политического центра [6, с. 17].

Библиография

1. Алтунин, Г.В. Исторический процесс возникновения и развития православных монастырей на Калужской земле / Г.В. Алтунин // Богословско-исторический сборник. – 2019. – № 3 (15). – Калуга : Калужская духовная семинария, 2019.
2. Бусева-Давыдова, И.Л. Некоторые особенности пространственной организации древнерусских монастырей / И.Л. Бусева-Давыдова // Архитектурное наследие. – 1986. – № 34.
3. Монашество и монастыри в России XI–XX веков. Исторические очерки. – М.: Наука, 2002.
4. Ильин, М.А. К истории архитектурной композиции русских монастырей 17 в. / М.А. Ильин // Ежегодник Института истории искусств. 1954. – М., 1954.
5. Ильин, М.А. Монастыри Московской Руси XVI века как оборонительные сооружения / М.А. Ильин // Исторический журнал. – 1944. – № 7–8.
6. Вдовиченко, М.В. Архитектура русских монастырей / М.В. Вдовиченко // Русские монастыри. – М., 1995.
7. Русское градостроительное искусство. Древнерусское градостроительство X–XV веков / Н.Ф. Гуляницкий, А.В. Куза, А.С. Щенков [и др.]; под общ. ред. Н.Ф. Гуляницкого; ВНИИ теории архитектуры и градостроительства. – М. : Стройиздат, 1993.
8. Лавров, В.А. Развитие планировочной структуры исторически сложившихся городов / В.А. Лавров. – М. : Стройиздат, 1977.

9. Фокеев, А.А. Современный храмовый приходской комплекс / А.А. Фокеев // Развитие русских монастырей: мат-лы Междунар. конф. – М., 2000.

10. Никольский, Н.К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397–1625) / Н.К. Никольский. – СПб: Синодальная тип., 1897–1910.

Дата поступления: 12.05.2020

Лицензия Creative Commons

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons «Attribution-ShareALike» («Атрибуция - на тех же условиях»). 4.0 Всемирная

THE TYPOLOGY OF SPATIAL STRUCTURES IN THE ORTHODOX MONASTERIES OF KALUGA PROVINCE OVER THE COURSE OF THEIR HISTORICAL EVOLUTION

Altunin Grigoriy V.

Master's degree student.
Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering
Russia, St. Petersburg, e-mail: grin4eg89@mail.ru

Jykova Tatjana F.

PhD. (Architecture), Associate Professor.
Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering
Russia, St. Petersburg, e-mail: mtfg@mail.ru

UDK: 726.7
BBK: 85.113

DOI: 10.47055/1990-4126-2020-2(70)-7

Abstract

The monasteries of the Kaluga province present diverse architectural ensembles with complex internal dynamics making it impossible to evaluate all the variety of their forms against uniform criteria. The evolution of a monastery complex sometimes could last several centuries, and therefore their architectures and compositions rarely pertain to a single specific style. When considered as fully-formed architectural developments, these monasteries reveal various common typological features in their construction, layout and composition, determined by both their functional purpose and symbolic interpretation of the monastery ensemble.

Keywords:

monastery complex, central core, cathedral, refectory, bell tower

References

1. Altunin, G.V. (2019) The Historical Process of the Emergence and Development of Orthodox Monasteries in the Kaluga Land. Theological and Historical Collection, No 3(15). Kaluga: Kaluga Theological Seminary. (in Russian)
2. Buseva-Davydova, I.L. (1986) Some Features of the Spatial Organization of Old Russian Monasteries. Architectural Heritage, No. 34. (in Russian)
3. Sinitsina, N.V. (ed.) (2002) Monasticism and Monasteries in Russia in the 9th-20th Centuries. Historical Essays. Moscow: Nauka, 2002. (in Russian)
4. Ilyin, M.A. (1954) On the History of the Architectural Composition of the 17th Century Russian Monasteries. In: Yearbook of the Institute of Art History. Moscow. (in Russian)
5. Ilyin, M.A. (1944) The 16th Century Monasteries of Moscow Russia as Defensive Structures. Historical Journal, No. 7–8. (in Russian)
6. Vdovichenko, M.V. (1995) The Architecture of Russian Monasteries. In: Russian Monasteries. Moscow: (in Russian)
7. Gulyanitsky, N.F. (ed.) (1993) Russian Urban Planning Art. Old Russian urban planning in the 10th-15th centuries. Moscow: Stroyizdat, 1993. (in Russian)

8. Lavrov, V.A. (1977) Development of the planning structure of historically developed cities. Moscow: Stroyizdat. (in Russian)
9. Fokeyev, A.A. (2000) The modern parish church complex. Development of Russian Monasteries: proceedings of the international conference, Moscow. (in Russian)
10. Nikolsky, N.K. Kirillo-Belozersky monastery and its structure until the second quarter of the 17th century (1397–1625). St. Petersburg: Synodal Printing House, 1897–1910. (in Russian)